

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

А.Г. Гаджикурбанов

Идея человечества в категорическом императиве Канта

Гаджикурбанов Аслан Гусаевич – доктор философских наук, доцент. МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4.

ORCID 0000-0003-2398-0008
e-mail: gadzhikurbanov@yandex.ru

Категорический императив Канта связан с типом нравственного поступка, наделяющим его некоторой самодостаточностью, объективной необходимостью самой по себе без определения какой-либо цели. Своеобразная бесцельность нравственного деяния становится его важным отличительным признаком. Определение нравственного начала в терминах телеологии самоценного акта нравственной воли непосредственно связано с рассматриваемой нами версией категорического императива. В ней каждый человек (как разумное существо и представитель идеи Человечества) в той или иной мере оказывается приоритетным объектом практического применения категорического императива, поскольку рассматривается как самоценная сущность, или цель в себе. Вселенная Канта, или мир природы, есть в высшей степени целесообразное устройство, конечной целью которого является человек как нравственное существо. Статус человека как конечной цели природы открывает перед ним новую перспективу – обретение сверхчувственного статуса и нравственной свободы. В этом свойстве человек обозначен Кантом уже как «ноумен». В той версии категорического императива, которую мы рассматриваем, Кант фактически объявляет исключительной целью нравственного стремления не просто личность, а человечество (*Menschheit*), которое отдельный индивид «в своем собственном лице или в лице любого другого» только представляет. Он также называет его *разумным миром* (*mundus intelligibilis*). Человек как нравственное существо настолько ценен, что в нем можно видеть конечную цель природы и цель в себе. Таковым его делает его принадлежность к высшей реальности, к царству целей или к Человечеству как таковому. Кант делает еще один шаг, возвышая Человечество и переходя из нравственного пространства в религиозное. Он превращает Человечество в святыню.

Ключевые слова: Кант, категорический императив, нравственный поступок, самоценный поступок, телеология природы, целесообразность, Человечество, ноумен, нравственное бытие, святыня

Введение

Известная версия категорического императива Канта звучит следующим образом: «*Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [Кант 1994а, 205]. Нашей задачей будет рассмотреть содержащиеся в нем импликации, выходящие за пределы морального повеления. Мы обнаруживаем в этой формуле категорического императива четыре значимых для кантовской доктрины смысла, каждый из которых выводит нас в особую сферу его философских интересов, так или иначе связанных с попытками ответить на сформулированный самим Кантом фундаментальный вопрос философии: «Что есть человек?». Речь идет о *моральном, натуралистическом, метафизическом и теологическом* понимании Кантом способа существования человека как разумного, другими словами, нравственного существа. Все эти стороны рассматриваемой нами версии категорического императива складываются вокруг идеи *Человечества*, представляющей своего рода смысловой центр кантовской антропологии и этики.

Моральный аспект категорического императива (самоценность морального деяния)

Следующие общие положения лежат в основании понимания Кантом сохранения морального действия.

«Представление об объективном принципе, поскольку он принудителен для воли, называется *велением* (разума), а формула веления называется *императивом*». «Все императивы выражены через *долженствование* и этим показывают отношение объективного закона разума к такой воле, которая по своему субъективному характеру не определяется этим с необходимостью» [Там же, 185]. «Поэтому императивы суть только формулы для выражения отношения объективных законов воления вообще к субъективному несовершенству воли того или другого разумного существа, например воли человека» [Там же, 186].

Как видно, Кант определял отношение морального закона («объективного закона разума») к субъективной воле отдельного человека как *принуждение*, поскольку он был убежден в изначальном и радикальном несовершенстве человека как морального существа (протестантская идея об «изначально злом в человеческой природе», выраженная им в сочинении «Религия в пределах только разума» [Paton 1947, 192]). Человек может быть приведен к исполнению морального закона только под *внешним* воздействием разумного начала на эмпирическую компоненту человеческого существа («непосредственное принуждение воли законом» по «отношению ко всем склонностям»). Отсюда

и известное различие им моральных поступков, совершаемых *сообразно с долгом* (в соответствии с нравственным законом) и *из чувства долга* (ради морального закона) (соотв. *pflichtmaessig* и *aus Pflicht*). В первом случае можно говорить о *легитимной* мотивации поступка, в то время как второй тип мотивации только и придает нашим действиям моральный смысл. Практическим основанием моральной деятельности становится принцип долженствования, реализованный в акте разумного веления, обозначенном Кантом как *императив*.

Кант хочет однозначно выделить отличительные черты и своеобразие морального действия как такового в соответствии с его специфической природой. Эту задачу, в частности, он решает различением им двух типов императива – *категорического* и *гипотетического*: «Все императивы, далее, повелевают или *гипотетически*, или *категорически*. Первые представляют практическую необходимость возможного поступка как средство к чему-то другому, чего желают (или же, возможно, что желают) достигнуть. Категорическим императивом был бы такой, который представлял бы какой-нибудь поступок как объективно необходимый сам по себе, безотносительно к какой-либо другой цели» [Кант 1994а, 187]. Конечно, любое моральное деяние преследует определенные цели. Но, как оказывается, категорический императив связан с таким типом морального поступка (или он сам задает такой тип морального действия), который наделяет его некоторой самодостаточностью, объективной необходимостью самой по себе без определения какой-либо *цели*, которую этот поступок мог бы преследовать за пределами самого себя. Категорический императив обладает *формальным смыслом* – «он касается не содержания поступка и не того, что из него должно последовать, а формы и принципа, из которого следует сам поступок». Как подчеркивает Кант, «существенно хорошее» в поступке состоит в характере убеждения (мотива). Именно такой тип императива он называет «императивом *нравственности*» [Там же, 189] и одновременно утверждает, что полагать основанием нравственного поступка категорический императив – значит действовать морально [Там же, 223]. Опирающийся сам на себя категорический императив *абсолютен* по характеру своих предписаний, в то время как гипотетические императивы ориентируют субъекта на достижение всегда относительных внешних, как говорит Кант, материальных *результатов* его усилий. Своего рода *бесцельность* морального деяния, его самодостаточность становится важным критерием отличия подлинно нравственного деяния от его видимости. Таким же качеством, т.е. опорой на чистое воление, характеризуется и *добрая воля*: «Добрая воля добра не благодаря тому, что она приводит в действие или исполняет; она добра не в силу своей пригодности к достижению какой-нибудь поставленной цели, а только благодаря волению, т.е. сама по себе» [Там же, 162]. Это касается и всей морали в целом: «...она (мораль) вообще не нуждается ни в каком материальном определяющем основании свободного произволения, т.е. ни в какой цели» [Кант 1994в, 5].

Поэтому для Канта даже достижение счастья как *возможной* цели морального поступка не входит в содержание категорического императива, который сам полностью замещает содержание подлинно морального деяния.

В соответствии с этим он отдает прерогативы достижения эвдемонии *гипотетическому императиву* [Кант 1994а, 189]¹. Естественно, здесь напрашиваются некоторые очевидные историко-философские параллели – если сам акт веле-ния, не предполагающий определения какой-либо цели, кроме самой формы императивного выражения объективного закона, является достаточным условием осуществления морального действия во всей его полноте, мы можем сделать вывод, что в этом случае *целью добродетели оказывается сама добродетель* (кинники, Стоя). В «Метафизике нравов» Кант прямо говорит о том, что чистый практический разум усматривает свою высшую, безусловную цель в утверждении добродетели как цели и вознаграждения самой себя [Кант 1994д, 439]. Правда, несмотря на внешнее сходство дефиниций категорического императива и стоического определения нравственного поступка, сам Кант не всегда и далеко не полностью принимал стоическую идею самоценности и самодостаточности морального начала при определении смыслов и целей человеческого существования в этом мире. Как мы увидим, на самом деле для него всякое моральное деяние, реализующее принцип нравственной автономии, в то же время всегда включает в себе некую целесообразность. Об этом красноречиво свидетельствует фрагмент из «Критики способности суждения», где Кант упоминает Спинозу, видя в нем пример «добропорядочного человека», который, подобно стоическим мыслителям, «не ждет от исполнения закона выгоды, ни в этом, ни в ином мире; он лишь стремится бескорыстно делать добро, к которому тот священный закон направляет все его силы» [Кант 1994г, 326] («священный закон», о котором идет речь, видимо, тождествен закону природы). Однако, как полагает Кант, стремлению такого человека поставлен предел: «...он может иногда ждать от природы случайного содействия, но никогда не может надеяться на закономерное и совершаемое по постоянным правилам... согласие с той целью, содействие осуществлению которой он все же считает своей обязанностью и стимулом». Он замечает, что несмотря на самодостаточный характер нравственных мотивов у такого убежденного моралиста, тот должен был иметь некоторое представление о «внутреннем назначении своей цели, заданной моральным законом». Но именно уверенность в существовании подобной цели должна была приводить его к постоянным конфликтам с существующим порядком природы, которая пренебрегает моральными установлениями. У природы свои правила жизни – Кант пишет, что обман, насилие и зависть всегда будут преследовать морального человека, хотя сам он честен, миролюбив и благожелателен, и добропорядочные люди, которых он еще встретит, будут, несмотря на то, что они достойны счастья, постоянно подвергаться природой всем бедствиям, пока их не поглотит глубокая могила [Там же]. Следовательно, от цели, которая стояла

¹ «...все элементы, принадлежащие к понятию счастья, суть эмпирические, т.е. должны быть заимствованы из опыта, однако для идеи счастья требуется абсолютное целое – максимум блага в моем настоящем и каждом последующем состоянии. Так вот, невозможно, чтобы в высшей степени пронизательное и исключительно способное, но тем не менее конечное существо составило себе определенное понятие о том, чего оно, собственно, здесь хочет» [Кант 1994а, 191].

и должна была стоять перед этим благонамеренным человеком, когда он следовал закону, он должен, признав ее недостижимой, отказаться [Кант 1994г, 327]. О какой цели у Канта в этом случае идет речь? В данном контексте он говорит о *высшем благе*, представляющем собой единство абсолютного морального совершенства субъекта (добродетели) и счастья (морально совершенного мира). Практическая реализация этих реалий высшего порядка выходит за пределы возможностей *морального субъекта* – одна из них не входит в прерогативы доброй воли человека в пределах его земного бытия, другая никак от нее не зависит.

Определение нравственного начала в терминах телеологии *самоценного* деяния моральной воли имеет прямое отношение к рассматриваемой нами версии категорического императива, в которой Человечество в лице отдельного субъекта (человек и все разумные существа) становится прежде всего *целью* морального поступка, а не только средством достижения какого-то результата. В ней каждый человек (как разумное существо и представитель идеи Человечества) в той или иной мере оказывается приоритетным объектом практического приложения *категорического императива*, поскольку рассматривается в качестве *самоценного* сущего, или *цели-в-себе*. Это означает, что и отношение к нему всегда должно быть морально мотивированным или продиктовано *нравственными императивами*. Как можно заметить, уже одно только включение человеческого субъекта в содержание категорического императива кладет на него печать *моральности*. В данном разделе нашего рассмотрения предложенной выше версии категорического императива Канта нам важно выделить именно такой тип понимания им человека и Человечества – *нравственный*. Но это только одно, скорее формальное, основание для определения моральной исключительности человека в этике Канта. К этому присоединяются и иные, более значимые мотивы, позволяющие ему говорить о человеке как об особой сущности – человек, *подчиненный моральным законам*, как высшая и конечная цель природного порядка [Там же, 323]; нравственный человек как конечная цель Бога в сотворении мира [Кант 1994б, 529]; моральный субъект как представитель идеи Человечества [Кант 1994а, 207]; Человечество в нашем лице как нечто *святое* [Кант 1994б, 530]. Эти в высшей степени *содержательные* аспекты понимания моральной природы человека у Канта на самом деле преодолевают границы его автономной этики, абсолютной морали и категорического императива, поскольку фактически наполняют его нравственное учение *внеморальными* смыслами – натуралистическим, метафизическим и религиозным. Такого рода «расширение» этического пространства инородными, но неотделимыми от него элементами открывает перед нами различные *телеологические* перспективы кантовской этики, где все императивы, говоря языком Канта, обретают характер *гипотетических*, поскольку ставят перед собой особые *цели* и решают задачи, выходящие за пределы самодостаточного морального веления. Кант пытался избежать данной коллизии. В этом смысле весьма показательно, что даже идея *высшего блага*, представляющая для Канта высшую цель стремлений морального субъекта и рассматриваемая как главный *предмет* интереса чистого практического разума, не должна была, как он полагал, считаться определяющим основанием моральной воли.

Не высшее благо побуждает моральный закон, а, наоборот, сам моральный закон делает высшее благо объектом моральных стремлений человека [Кант 1994б, 504–505]².

Телеология природы и место в ней человека (категорический императив как завершение природного проекта)

Универсум Канта, или мир природы, представляет собой в высшей степени упорядоченное целое, где господствуют разумные начала («природа как совокупность законов»). В этом смысле его картина природы по целесообразности своего устройства в чем-то напоминает образ мира у стоиков и даже у Спинозы. Вместе с тем разумный порядок природы у Канта выстраивается в соответствии с двумя весьма различающимися между собой типами каузальности – механической и телеологической, последнюю он обозначает как «целевую каузальность». Будучи в некотором смысле антиподами по способу своего построения, они сосуществуют в одном пространстве, дополняя друг друга («принцип механического выведения целесообразных продуктов природы может существовать наряду с телеологическим» [Кант 1994г, 283]. Кант подчеркивает, что такой порядок или взаимосвязь вещей в природе, опирающиеся на идею всеобщей *детерминации* (механической и целевой), приводят к тому, что в ее пределах реальность любого типа, в том числе и способность человека к совершению нравственных деяний, оказывается обусловленной: «В природе (в качестве чувственно воспринимаемой сущности) нет ничего, определяющее основание которого, находящееся в ней самой, не было бы в свою очередь обусловлено; и это относится не только к природе вне нас (материальной), но и в нас (мыслящей)» [Там же, 309]. Прежде всего, каузальность природы связывает все ее элементы цепью детерминаций как в физическом, так и в психическом пространстве. В силу этого, как полагает Кант, такой порядок исключает возможность реализации человеческой свободы, которая служит незыблемым основанием морального бытия. Соответственно, он различает «законы природы» и «законы свободы». К двум названным выше формам каузальности, представляющим необходимую взаимосвязь вещей в эмпирической природе, он добавляет еще одну, которая опирается не на взаимосвязь *естественных* причин (механического или телеологического порядка), а укоренена в мире *умопостижимом*, где детерминизм проявляется в разумной спонтанности моральной природы («в понятии чистой воли содержится понятие причинности из свободы, т.е. такой причинности, которая определяема не по законам природы» [Кант 1994б, 440]).

Для морального сознания, которое ориентируется на определенную телеологию нравственного поступка (действие в соответствии с понятием), особенно важным становится тот факт, что система природы существует как упо-

² А. Вуд указывает, что для многих исследователей моральной философии Канта идея высшего блага представлялась как некий дефект в его моральной аргументации, поскольку, как казалось, содержала в себе элементы эвдемонизма [Wood 1970, 38].

рядоченное целое благодаря внутренней *целесообразной* связи всех ее элементов. Кант полагает, что целесообразность природы является очевидной и подтверждается опытом: «...целесообразность, которая должна быть положена в основу самого нашего познания внутренней возможности многих вещей природы». В «Критике способности суждения» Кант представляет природное целое как иерархию целей, и каждая из них составляет ступень перехода к более высокому уровню целеполагания. Он полагает, что речь может идти уже «не о цели природы (внутри ее), поскольку она существует, а о цели ее существования со всем ее устройством, следовательно, о последней цели творения» [Кант 1994г, 318]. Эта цепь не бесконечна и предполагает наличие некоторого завершения – *конечной цели*. Какой может быть конечная цель природы? Кант полагает, что в структуре каузального детерминизма телеологической иерархии конечная цель обладает своего рода *самодостаточностью*, или, другими словами, может иметь *основание в самой себе*: «*Конечная цель* есть та цель, которая не нуждается ни в какой другой цели как условия своей возможности» [Там же, 308], не говоря уже о том, что самодовление такого рода объекта природной телеологии поддерживается его отчуждением от механического порядка причин. Кант делает еще одно замечание, касающееся характера названной конечной цели природы – «конечная цель не есть цель, для способствования достижению и возникновению которой соответственно ее идее достаточно природы» [Там же, 309]. Самое важное это то, что для реализации идеи *конечной цели* природы ресурсов самой природы оказывается недостаточно, а существа, в которых воплощается названная цель, будучи включенными в телеологический порядок природной каузальности, в своем существовании природным законам не подчиняются. Речь идет о человеке. Здесь мы оказываемся у той черты, которая разделяет у Канта мир природный и мир сверхчувственный, т.е. подходим к границам природы в ее *естественном* выражении. Другими словами, в идее *конечной цели* природы находит свое завершение *натурализм* Канта, а вместе с ним – и понимание места человека в природном универсуме, в котором доминируют принудительные, зависимые формы отношений между всеми сущими.

Рассматриваемая нами версия категорического императива как раз и указывает на эту перспективу преодоления натуралистической модели человеческого существования, особенно в ее моральном выражении. Человек, рассматриваемый в качестве *средства* для достижения каких-либо целей, в этом случае выступает исключительно в своем натуралистическом обличье, как *природный* субъект, т.е. существо, включенное в порядок *естественных* детерминаций в механике и телеологии природы, где он является частью целого, определяемой воздействием других частей и полностью лишенной возможности для самоопределения. Последнее же составляет необходимое и безусловное основание моральной жизни человека и, конечно, не может быть реализовано в пределах его естественного бытия. Человек должен стать конечной целью природного порядка и при этом обрести внеприродный статус. Такая *двойственность* статуса человеческого субъекта – в границах природного порядка и вне него – содержится в самом определении рассматриваемой нами версии категорического императива: надо относиться к человечеству и в своем

лице, и в лице всякого другого «так же, как к цели» и «никогда не относиться к нему *только* как к средству». Это подтверждается следующим тезисом Канта: «Мы имеем в мире лишь один род существ, чья каузальность телеологична, т.е. направлена на цели; и вместе с тем они устроены так, что закон, по которому эти существа должны определять себе цели, представляются ими самими как не обусловленный и независимый от природных условий» [Кант 1994г, 309]. Таким существом, которое находится на границе двух реальностей, оказывается человек: «...если повсюду имеет место *конечная цель*, которую разум должен указать априорно, этой целью может быть только человек (каждое разумное существо в мире), *подчиненный моральным законам*» [Там же, 323]. Кант подчеркивает, что о человеке как существе моральном уже нельзя спрашивать, для чего (*quem in finem*) он существует, поскольку его существование несет в себе самом высшую цель. Как оказывается, он замыкает собой иерархический порядок природных целеполаганий: «...без него цепь подчиненных друг другу целей не была бы полностью завершена» [Там же, 310]. Кроме того, Кант обозначает еще одно качество человека как морального субъекта, которое дает характеристику человеку как *особому* элементу природной иерархии (цели, полагаемой вне целесообразного порядка природы) и одновременно обозначает его включенность в автономное моральное законодательство на основании уже известного нам признака морального действия – его внутренней целесообразности: «Особое же свойство моральных законов состоит в том, что они предписывают разуму нечто как цель без всякого условия, тем самым именно так, как того требует понятие конечной цели» [Там же, 324].

Человек как ноумен

Как мы уже говорили, определение человека в качестве конечной цели природы не только замыкает порядок телеологии природы, но и открывает перед ним новую перспективу – обретение сверхчувственного статуса и моральной свободы. В этом своем качестве человек обозначается Кантом уже как «ноумен», т.е. как «единственное существо природы, в котором мы можем, исходя из его собственных свойств, познать сверхчувственную способность (свободу)» [Там же, 309]. Особенности человека как *морального существа* Кант описывает в одном из Примечаний в «Критике способности суждения»: «Я намеренно говорю: подчиненный моральным законам. Не человек, действующий по моральным законам, т.е. такой, который действует сообразно им, есть конечная цель творения. Ибо последним выражением мы сказали бы больше, чем знаем, а именно, что во власти творца мира сделать, чтобы человек всегда поступал сообразно моральным законам; это предполагает понятие свободы и природы (для природы только и можно мыслить внешнего творца), которое должно было бы содержать проникновение в сверхчувственный субстрат природы и его тождество с тем, что делает возможным в мире каузальность посредством свободы, а это выходит далеко за пределы понимания нашего разума» [Там же, 323]. В данном Примечании Канта содержится некоторая двусмысленность, или неопределенность при характеристике положения

человека в природном мире, но она вызвана не дефектом логики кантовского рассуждения, а действительной *двойственностью* человеческого существа – быть носителем свободной (доброй) воли, укорененной в умопостигаемом (ноуменальном) мире, независимом от природы, и при этом оставаться в пределах природного порядка, будучи в то же время его завершением. Невозможность однозначного определения моральных возможностей человека как *ноумена*, пребывающего в феноменальном мире, определяется еще и тем, что сам Кант в той же «Критике способности суждения» относит свободу как явление *сверхчувственного* мира к числу реалий моральной жизни человека, открывающихся и познаваемых через *естественный* опыт (пусть и не теоретический, а только практический) [Кант 1994г, 350].

Таким образом, категорический императив в рассматриваемой нами версии скрывает в себе несколько значимых смыслов, связанных с идеей *целесообразности*. В первом случае речь идет об отличительном качестве морального деяния, которое Кант считает критерием нравственного поступка – его своего рода *бесцельности* относительно внешних целей, или *абсолютности* императивного повеления. Здесь можно говорить об определенной перформативности категорического императива (смысл приказа – в его форме). Далее, человек и всякое разумное существо сами выступают как *самоценные* объекты императива, т.е. как *цели* морального повеления. Здесь можно задаться вопросом: чем обусловлен их столь высокий статус – всегда быть *целями* морального деяния?

Как ни удивительно, но, чтобы ответить на этот вопрос, казалось бы, имеющий отношение только к моральной практике субъекта и ограниченный пределами его нравственной жизни, нам нужно выйти в иные сферы бытия и в иные пространства мысли. В рассматриваемой нами версии категорического императива в качестве исключительной *цели* морального стремления в действительности у Канта заявлен не просто человек как таковой (индивидуум или его природная родовая сущность), а *человечество* (*Menschheit*), которое отдельный индивидуум «в своем лице или в лице всякого другого» только *представляет*. Человек как единичный субъект выступает здесь только как *символическая* фигура – это *феномен*, являющий в себе некую значимую *сущность*. И в самом деле, Кант, обозначая человека как *моральное существо*, сразу относит его к сверхчувственному миру и наделяет его еще одним исключительным свойством – *ноуменальной* природой. Ноуменальный статус человека не связан с эмпирическими свойствами его природы, имеющими отношение к миру феноменальному. Но в таком случае можно со всей определенностью утверждать, что интересующий нас императив полагает в качестве объекта (цели) моральных стремлений не единичного индивидуума, а некую *универсальную* человеческую сущность, вернее, некий идеальный человеческий тип – *идею Человечества*. Именно оно и становится у Канта реальным предметом моральной интенции в ее абсолютном выражении. Очевидно, что в этом смысле Канту был ближе не либеральный образ человеческого существа (единичный индивидуум во всем богатстве и многообразии его ординарной жизни), а платоновская версия человеческой природы как идеальной сущности. И здесь основной тон задает не особый моральный интерес Канта, а его *метафизика*,

насквозь пронизанная платоническими аллюзиями³. Таким образом, выявляя смысл известной версии его категорического императива, мы неуклонно движемся от *морального* дискурса по направлению к *метафизическому*, хотя, в соответствии с порядком природы и приоритетами Канта, вектор движения нашей мысли должен был быть противоположным – от метафизики Канта к его моральному учению. Другими словами, следовало идти от *ноуменального* образа человека, обладающего *совершенной* (святой) волей, – к моральному субъекту, удостоенному быть обладателем только *доброй* воли: «...так как *интеллигибельный мир содержит основание чувственно воспринимаемого мира*, стало быть, и *основание его законов*» [Кант 1994а, 234].

Кант обозначает эту умопостигаемую действительность (в рассматриваемой нами версии категорического императива она представлена в образе «Человечества») как «царство целей», понимая под ним «систематическую связь между различными разумными существами через общие им законы» и, что характерно, он мыслит его обитателей не в качестве отдельных (эмпирических) индивидуумов, обладающих неповторимыми качествами и ставящих перед собой частные цели, а как некое идеальное сообщество, объединенное систематической связью в некоем целом [Там же, 210]. Или, вполне в духе Платона, он называет его *разумным миром* (*mundus intelligibilis*). Каждый из его участников, будучи членом и главой в этом сообществе («законодательствующим членом» разумного сообщества), руководствуется еще одной известной и важнейшей максимой кантовской этики: «...поступай так, как если бы твоя максима в то же время должна была служить всеобщим законом (всех разумных существ)» [Там же, 216]. Фактически Кант, выстраивая стратегию моральной жизни ординарного субъекта в эмпирическом мире (мире природы в широком смысле), наделяет его существо реквизитами запредельной реальности или, другими словами, изначально включает его в *моральный* по самому его существу *интеллигибельный мир*: «Разумное существо должно поэтому рассматривать себя как интеллигенцию (следовательно, не со стороны своих низших сил), как принадлежащее не к чувственно воспринимаемому, а к интеллигибельному миру» [Там же, 232]. Именно на этом основании строится моральная свобода человека («категорические императивы возможны благодаря тому, что идея свободы делает меня членом интеллигибельного мира» [Там же, 234]. В этом своем качестве моральный субъект в момент совершения нравственного выбора не просто совершает определенное мысленное деяние (мысленный моральный эксперимент), обращая свой взор к идеальному образу мира дальнего как к своему духовному ориентиру. Он объективно воспринимает себя как члена сообщества разумных существ или часть интеллигибельного мира

³ «Нет никакой необходимости доказывать, что такой *intellectus archetypus* возможен; достаточно показать, противопоставляя ему наш дискурсивный, нуждающийся в образах рассудок (*intellectus ectypus*) и случайность такого его свойства, что мы приходим к этой идее (к идее *intellectus archetypus*) и что она не содержит в себе противоречия» [Кант 1994г, 282]; «...эта возможность заключена в сверхчувственном субстрате природы, о котором утвердительно определить мы можем только то, что он есть сущность сама по себе, известная нам только в явлении» [Там же, 296].

во всей полноте своих метафизических возможностей и тем самым оказывается *действительно* совершенным (обладателем *святой воли*), поскольку полностью принадлежит именно той части своего существа, которая укоренена в мире совершенном (ноуменальном)⁴. Он отрешен от моральных обязательств, поскольку его свобода уже ничем не ограничена, ведь *метафизически* он пребывает в пространстве чистой свободы, где *он сам* творит объекты своего стремления: «В самом деле, в таком существе мы мыслим себе практический разум, т.е. имеющий причинность в отношении своих объектов» [Кант 1994а, 227]. Только в этом случае императивность его воления может быть самодостаточной или бесцельной (иметь цель в самой себе). Отсюда и утверждаемая Кантом необходимость исследования возможности категорического императива исключительно а priori, а не в опыте [Там же, 194]. В противном случае, т.е. если бы моральный субъект при реализации своих проектов принимал к сведению эмпирические условия своего существования, то категорический императив, требующий от него возможности претворения максимы его частной воли во всеобщий закон вообще или даже во всеобщий закон природы, столкнулся бы с непреодолимым «сопротивлением материала». Как полагал Кант, *полная* реализация этого грандиозного замысла во всей его онтологической полноте, т.е. и в сфере сущности (в ноуменальном мире), и в сфере существования (в естественной природе) возможна только при участии воли Высшего Начала (второй постулат чистого практического разума). Проблема взаимоотношения двух планов реальности – феноменального и ноуменального, явления и вещи-в-себе – при всех усилиях самого Канта и кантоведения в целом до сих пор представляется неразрешимой для человеческого разума [Васильев 2002, 186]. Очевидно, что утверждаемая Кантом суверенность (автономия, самоценность, самодостаточность) нравственного начала в моральном опыте субъекта имеет своей опорой метафизические приоритеты его онтологии, в которой интеллигибельные сущности обретают своего рода иммунитет относительно любых притязаний эмпирического мира. Можно полагать, что эта коллизия кантовской метафизики в какой-то мере является наследием платонизма.

Здесь мы находим ответ на поставленный выше вопрос о том, почему именно разумные сущности и в первую очередь человек как моральное существо обладают столь высокой ценностью, что в них можно видеть конечную цель природы и цель саму по себе. Их делает такими принадлежность к высшей реальности, к царству целей или к Человечеству как таковому. Кант так говорит об этом: «Моральность же есть условие, при котором только и возможно, чтобы разумное существо было целью самой по себе, так как только благодаря ей можно быть законодательствующим членом в царстве целей.

⁴ «...в понятии чистой воли содержится понятие причинности из свободы, т.е. такой причинности, которая определяема не по законам природы и, следовательно, не способна ни к какому эмпирическому созерцанию как доказательству своей реальности, но которая все же свою объективную реальность полностью подтверждает а priori в чистом практическом законе, однако (как это легко усмотреть) не для теоретического, а только для практического применения разума» [Кант 1994б, 440].

Таким образом, только нравственность и Человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством» [Кант 1994а, 212]. Достоинство возносит человека над всей эмпирической природой.

Человечество (человек в качестве морального существа) как святыня

Человечество, наделенное нравственными началами, обладает не только высшим знаком морального отличия – *достоинством*, характеризующим существа, имеющие отношение к *этической* сфере. Но Кант делает еще один шаг, возвышающий Человечество (и, возможно, разумного человека как его представителя), переходя из *морального* пространства – в *религиозное*. Он превращает Человечество в *святыню*: «...человек (а с ним и всякое разумное существо) есть цель сама по себе, т.е. никогда никем (даже Богом) не может быть использован только как средство, не будучи при этом вместе с тем и целью, что, следовательно, само человечество в нашем лице должно быть для нас святым, так как человек есть субъект морального закона, стало быть, того, что само по себе свято, ради чего и в согласии с чем нечто вообще может быть названо святым» [Кант 1994б, 530]. Если вспомнить тезис Канта о том, что «только предметы чистого разума могут быть предметами веры» [Кант 1994г, 345], то Человечество, которое фигурирует в интересующей нас версии категорического императива и мыслимое Кантом как *ноумен* (умопостигаемая сущность, или часть интеллигибельного мира), также попадает в число предметов *веры*, т.е. религиозных объектов, как впрочем Бог и бессмертие души. В Предисловии к первому изданию «Религии в пределах только разума» Кант, как бы поправляя себя относительно известных тезисов о самоценности моральных императивов или их непригодности для достижения каких-либо целей, пишет: «Но хотя мораль для себя самой не нуждается ни в каком представлении о цели, которое должно было бы предшествовать определению воли, тем не менее может быть и так, что она имеет необходимое отношение к такой цели» [Кант 1994в, 6]; и такой целью для него оказывается религия («Таким образом, мораль неизбежно ведет к религии» [Там же, 8]). Наконец, если буквально понимать смысл следующего тезиса Канта из того же сочинения: «...исполнение моральных заповедей, как и всех других обязанностей, может быть отнесено к религии» [Там же, 11], то можно сделать вывод, что Кант рассматривал моральную практику как своего рода *священнодействие*, или *богослужение*: «...больше всего славит Бога именно то, что есть самое ценное в мире, – уважение к его заповеди, соблюдение святого долга, который возлагает на нас его закон» [Кант 1994б, 529].

Довольно устойчивая традиция понимания кантовских постулатов чистого практического разума, в частности, Бога и бессмертия души как своего рода *дополнений* к избыточным требованиям морального сознания для осуществления его собственных перфекционистских проектов или для достижения полноты морального идеала («Однако Кант идет еще дальше, утверждая, что Бог является идеей разума, создаваемой им для способствования возрастанию человека в добродетельности» [Крыштоп 2020, 414]). на самом деле искажает

оптику объективного рассмотрения существа вопроса. Кантовский Бог обладает ценностными приоритетами относительно моральной сферы, поскольку от него зависит возможность достижения счастья как части *высшего блага*, которое является конечной целью моральных стремлений человека. Поиск надежных оснований собственного существования, завершением которого оказывается конструирование постулатов любого рода как умозрительных опор для морального субъекта, является несомненным свидетельством *конечности человеческого бытия* [Хайдеггер 1997, 126]⁵ и метафизического изъяна человека как смертного существа. Если даже мы допустим, что для Канта Бог является продуктом человеческого разума («...у Канта, напротив, Бог оказывается производным от разума» [Крыштоп 2020, 414], то это не означает, что для Канта Его *на самом деле* не существовало («на самом деле» – это реальность, адекватная кантовской вещи-в-себе, существование которой неопровержимо, но ее природа непостижима). В действительности идею Бога *умозрительно* конструирует чистый *теоретический* разум, в то время как чистый практический (моральный) разум объявляет о Его реальном *практическом существовании*. Как мы можем судить (см. Примечание к §86 «Критике способности суждения»), Кант не отказывается и от теофании.

Толкование этики Канта в духе рационалистических традиций немецкого Просвещения, как кажется, не в полной мере учитывает экзистенциальные приоритеты кантовской доктрины, которые предполагали как веру в реальное существование творца и подателя морального закона, так и убежденность в том, что следование моральным заповедям, наряду с прочим, означает исполнение воли их творца («святость» морального закона). Несомненно, этика Канта была далека от системы нравственного богословия. Правда, последнее не избавляет Канта от упреков в том, что его моральное учение, сделав серьезную заявку на построение здания абсолютной нравственности, в действительности превратилось в «карикатуру на нравственное богословие» [Судаков 1998, 227].

Заключение

Таким образом, аналитика известной версии категорического императива позволила нам, каждый раз опираясь на содержащееся в нем понятие Человечества, совершить переход из пространства морального произволения субъекта к религиозному пониманию моральных начал у Канта; промежуточными этапами такого рассмотрения были кантовская телеология природы и метафизика.

⁵ Для Канта конечность человеческого существа, представляющая ограниченность его метафизических возможностей, в морально-религиозном плане выражается в том, что в пределах своей земной жизни человек представляет собой носителя не святой, а исключительно *доброй* воли, максимы которой, при всей ее онтологической суверенности и автономности ее моральных определений, не могут быть *тождественными* моральному закону (она ему *только* подчиняется). В пространстве такого разрыва и утверждается человеческая моральность. В этом можно увидеть не только черту метафизического изъяна человеческого существа, но и знак его бытийной *исключительности*.

Это движение мысли не было последовательным, поскольку сама кантовская доктрина, испытавшая сильное влияние платонизма, не допускает возможности непрерывного восхождения из мира явлений к миру сущностей (у Канта – из мира феноменального в мир ноуменальный). Как говорил по этому поводу сам Кант, любой разумный аргумент в доказательство *естественной* связи этих реальностей будет *произвольным* (willkürlich) [Кант 1994г, 353].

The Idea of Humanity in Kant's Categorical Imperative

Aslan G. Gadzhikurbanov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 27–4 Lomonosovsky prospect, Moscow, 119991, Russian Federation.

e-mail: gadzhikurbanov@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2398-0008

Kant's categorical imperative is associated with a type of moral act that endows it with some self-sufficiency, an objective necessity in itself without defining any goal. The peculiar aimlessness of a moral act becomes its important distinguishing feature. The definition of the moral principle in terms of the teleology of an inherently valuable act of moral will is directly related to the version of the categorical imperative that we are considering. In it, every person (as a rational being and a representative of the idea of Humanity) to one degree or another turns out to be a priority object of the practical application of the categorical imperative, since it is considered as an intrinsically valuable entity, or a goal in itself. The universe of Kant, or the world of nature, is a highly expedient device, the ultimate goal of which is man as a moral being. The status of man as the ultimate goal of nature opens up a new perspective for him – the acquisition of a supersensible status and moral freedom. In this property, a person is already designated by Kant as a “noumenon”. In the version of the categorical imperative that we are considering, Kant actually declares that the exclusive goal of the moral aspiration is not just a person, but humanity (Menschheit), which the individual “in his own person” or “in the person of any other” only represents. He also calls it *the intelligent world* (mundus intelligibilis). Man as a moral being is so valuable that one can see in him the ultimate goal of nature and the goal in himself. What makes him so is his belonging to a higher reality, to the realm of ends, or to Humanity as such. Kant takes one more step, elevating Mankind and moving from the moral to the religious space. He turns Humanity into a sacred thing.

Keywords: Kant, categorical imperative, moral act, self-valuable act, teleology of nature, expediency, Mankind, noumenon, moral being, sacred thing

Литература / References

Кант И. Основоположения метафизики нравов / Под общ. ред. А.В. Гулыги // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994а. С. 153–246.

Kant, I. “Osnovopolozheniya metafiziki nravov” [Grundlegung zur Metaphysik der Sitten], ed. by A.V. Gulyga, in: I. Kant, *Sochineniya v 8 t.* [Collected Works in 8 Vols.], Vol. 4. Moscow: Choro Publ., 1994a, pp. 153–246. (In Russian)

Кант И. Критика практического разума / Под общ. ред. А.В. Гулыги // *Кант И.* Соч.: в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994б. С. 153–246.

Kant, I. “Kritika prakticheskogo razuma” [Kritik der praktischen Vernunft], ed. by A.V. Gulyga, in: I. Kant, *Sochineniya v 8 t.* [Collected Works in 8 Vols.], Vol. 4. Moscow: Choro Publ., 1994b, pp. 153–246. (In Russian)

Кант И. Религия в пределах только разума / Под общ. ред. А.В. Гулыги // *Кант И.* Соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994в. С. 153–246.

Kant, I. “Religiya v predelah tol’ko razuma” [Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft], ed. by A.V. Gulyga, in: I. Kant, *Sochineniya v 8 t.* [Collected Works in 8 Vols.], Vol. 6. Moscow: Choro Publ., 1994v, pp. 153–246. (In Russian)

Кант И. Критика способности суждения / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Искусство, 1994.

Kant, I. *Kritika sposobnosti suzheniya* [Kritik der Urteilskraft], ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Iskusstvo Publ., 1994. (In Russian)

Кант И. Метафизика нравов / Под общ. ред. А.В. Гулыги // *Кант И.* Соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994д. С. 224–544.

Kant, I. “Metafizika nravov” [Metaphysik der Sitten], ed. by A.V. Gulyga, in: I. Kant, *Sochineniya v 8 t.* [Collected Works in 8 Vols.], Vol. 6. Moscow: Choro Publ., 1994d, pp. 224–544. (In Russian)

Васильев В.В. Неуловимая свобода: проблема оснований этической системы Канта // *Философская этика и нравственное богословие. X Рождественские образовательные чтения. Материалы конференции. Институт философии РАН. М.: ИФ РАН, 2002.*

Vasil’ev, V.V. “Neulovimaya svoboda: problema osnovanij eticheskoy sistemy Kanta, Filosofskaya etika i nravstvennoe bogoslovie” [Elusive Freedom: the Problem of the Foundations of Kant’s Ethical System], *X Rozhdestvenskie obrazovatel’nye chteniya. Materialy konferencii Instituta filosofii RAN* [X Christmas Educational Readings. Conference Materials. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IPh RAN, 2002. (In Russian)

Крыштор Л.Э. Проблема соотношения морали и религии в философии немецкого Просвещения. Дис. ... док. филос. наук. М., 2020.

Kryshdor, L.E. *Problema sootnosheniya morali i religii v filosofii nemeckogo Prosveshcheniya* [The Problem of the Relationship between Morality and Religion in German Enlightenment Philosophy]. Doctoral (Philosophy) Dissertation. Moscow, 2020. (In Russian)

Судаков А.К. Абсолютная нравственность: этика автономии и безусловный закон. Эдиториал УРСС. М., 1998.

Sudakov, A.K. *Absolyutnaya nravstvennost’: etika avtonomii i bezuslovnyj zakon* [Absolute Morality: Ethics of Autonomy and Unconditional Law]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1998. (In Russian)

Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

Heidegger, M. *Kant i problema metafiziki* [Kant und das Problem der Metaphysik]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1997. (In Russian)

Paton, H.I. *The Categorical Imperative. A study in Kant’s Moral Philosophy*. London: Hutchinson’s University Library, 1947.

Wood, W.A. *Kant’s Moral Religion*. Ithaca and London: Cornell UP, 1970.